

МУХУТДИНОВ А.А.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КРАСНЫЙ КРЕСТ**

А. А. Мухутдинов

Политический красный крест

«БОС»

2015

УДК 32:323.4:329.15
ББК 63.3(2)61

Мухутдинов А. А.

Политический красный крест / А. А. Мухутдинов — «БОС»,
2015

ISBN 978-5-990-6157-0-0

Монография к. и. н. А. А. Мухутдинова посвящена одной из интереснейших проблем начального периода Советской власти, а именно, взаимодействию общественных организаций и государства. Режим, пришедший к власти под лозунгом борьбы за политические свободы, приступил к ущемлению политической и гражданской свободы своих оппонентов. В монографии изложена история создания и деятельности Московского общества помощи политзаключенным в период 1918–1922 гг. – организации российской интеллигенции в надежде и вере в возможность воспользоваться традиционными политическими свободами в условиях военного коммунизма. Именно такие, изначально обреченные на провал попытки, с одной стороны, немало содействовали крушению тоталитарного строя, а с другой – показали достоинство российской интеллигенции. Монография предназначена для студентов, аспирантов и научных работников, изучающих историю возникновения СССР, а также широкого круга читателей.

УДК 32:323.4:329.15

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-990-6157-0-0

© Мухутдинов А. А., 2015

© БОС, 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1	16
§ 1. Общественно-политическая ситуация, воззавшая создание Политического Красного Креста	16
§ 2. Создание Политического Красного Креста	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

А. А. Мухутдинов
Политический Красный Крест
Монография

© Мухутдинов А. А., 2015

© Художественное оформление, верстка ООО «БОС», 2015

Введение

Проблемы истории общественных организаций и объединений давно привлекают внимание историков, юристов, социологов. Вряд ли будет верным объяснять это лишь тем, что общественные организации составляют вместе с политическими партиями и другими социальными институтами политическую систему государства и потому требуют пристального изучения. Здесь необходимо помнить, что определение общественной организации только как составной части политической системы общества не должно являться самоцелью. В конечном итоге общественные организации призваны реализовывать добровольное волеизъявление людей, объединяющихся в организации, создавать независимое свободное пространство для проявления потребностей личности в такой консервативной среде, которой является государство.

Сегодня есть ряд причин и обстоятельств, которые вызывают особый интерес к истории общественных организаций. Одним из факторов является кризис нравственно-этических ценностей и идеалов в постсоветском обществе. В СССР был очевиден приоритет общественных коллективных ценностей. Отказ от них трактовался как подрыв основ советской государственности. И в то же время сложилась такая парадоксальная ситуация, когда опыт независимой от государства деятельности общественных организаций был утрачен, когда все они должны были служить только «приводными ремнями» государственной машины.

История общественных организаций первой четверти XX века интересует современного исследователя и с практической точки зрения. Это связано с изменениями общественно-политической структуры государства. Статья 30 ныне действующей Конституции РФ [1] декларирует право каждого гражданина на создание общественных организаций, а также «свободу деятельности общественных объединений».

Практической реализацией данной статьи стал Федеральный закон «Об общественных объединениях» [2]. По сравнению с нормативно-правовыми актами, регулировавшими возникновение и деятельность общественных организаций на протяжении предшествующих десятилетий, данный закон является самым демократичным.

Проблема правовой защищенности личности от необоснованных посягательств государства актуальна для Российской Федерации и сегодня. В этом плане несомненный интерес представляет история создания и деятельности Московского общества помощи политзаключенным.

Первой оформленной организацией такого рода, получившей название «Красный Крест» (КК), было «Общество Красного Креста» Народной воли, созданное в 1881 г. Ю. Н. Богдановичем и И. В. Калюжным... В 1882 г. был создан заграничный отдел КК, во главе которого стояли П. Л. Лавров и В. И. Засулич. Он просуществовал до 1884 года.

Чем было вызвано появление Московского общества помощи политзаключенным? Насколько деятельность Политического Красного Креста (ПКК) была независима от государства? Какими были взаимоотношения внутри этой организации?

Рассмотрение всех этих вопросов побудило нас к объяснению причин, которые возродили Политический Красный Крест в Советской России.

В отечественной историографии общественным организациям посвящено немало исследований.

Приступая к работе, мы столкнулись с отсутствием исследовательских работ, напрямую касающихся темы нашего диссертационного сочинения.

Воспользовавшись библиографическим справочником, составленным профессором, доктором исторических наук Т. П. Коржихиной «Общественные организации в СССР. Материалы к источниковедению и историографии» [3], охватывающим период с 1917 по 1990 г.,

а также указателем «Московские и ленинградские издатели и издательства 20-х годов», мы столкнулись с отсутствием информации по интересующей нас теме. Поэтому автор вынужден был обратиться к научно-исследовательской литературе, посвященной иным смежным историческим сюжетам, но в какой-то мере затрагивающей темы, близкие к предмету нашего исследования.

Первые работы, касающиеся общественных организаций и объединений, были предприняты в 1922 г., главным образом юристами, в связи с принятием законодательства об общественных организациях и объединениях. В журнале «Власть Советов» за 1922 г. появились статьи, посвященные данной теме.

В статье Г. Португалова [4] была дана правовая оценка законодательства об обществах и союзах 1922 года. Согласно ей, советское законодательство отличается от всех других тем, что в законодательствах зарубежных стран обычно требуется непротиворечие закону, а в Советской России – содействие заданиям социалистического строительства. Автор отслеживает детали правовых гарантий существования обществ и союзов.

Работа Я. Принцева «К проведению в жизнь декрета „Об обществах и объединениях“» [5] разъясняет, как следует понимать содержание декрета. «Все, что противоречит диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, – все является нарушением конституции и не может быть терпимо, с чьей бы стороны ни исходили попытки нарушения этих основных задач. И эту мысль необходимо усвоить и твердо помнить всем органам наркомата внутренних дел при проведении декрета от 3 августа» [5, с. 16]. На наш взгляд, в этом кратком абзаце содержится емкая информация о том, каким было отношение властей к общественным организациям.

В 1923 году вышла книга Б. Ф. Мовчановского «Общества, союзы и собрания» [6]. Данная работа представляет собой учебное пособие по курсу правоведения, в нем растолковываются основные положения декрета и проводятся определения «общество», «союз», «собрание».

Исследования, целью которых было изучение истории общественных организаций, их становление, развитие, и взаимоотношения с государственными структурами, стали появляться только в 60-х годах.

Работы А. И. Лукьянова и Б. М. Лазарева «Советское государство и общественные организации» [7], вышедшие в то время, касались только юридической стороны взаимоотношений государства и общественных организаций. В целом эта часть литературы содержит обширный фактографический материал по истории кооперативных, профессиональных, комсомольских и добровольных организаций, но страдает однобоким партийным подходом к оценке роли и места общественных организаций в государстве. Основная мысль, характерная для всех вышеперечисленных работ, чаще всего выражается в том, что «общественные организации и государственные учреждения выполняют одну задачу построения коммунистического общества» [8, с. 3], и что советский человек не хочет оставаться вне общественных организаций, а также в том, что «общественные организации выполняют ответственные задачи, поставленные партией» [8, с. 17].

Таким образом, мы согласны с мнением профессора Т. П. Коржихиной, что об общественных организациях периода 1917–1936 гг. «лишь изредка появляется литература, порой очень локальная, иногда юбилейного характера, посвященная отдельным обществам» [9, с. 8], а уж об общих работах говорить не приходится. Поэтому «представить развитие исследований по этой проблематике как процесс невозможно» [9, с. 47].

Для более детального понимания исследуемых нами проблем, мы обратились к книге голландского историка Марка Янсена «Суд без суда. 1922 год, показательный процесс социалистов-революционеров», изданной в Москве в 1993 году и проливающей свет на то, каким

было сопротивление правящему режиму Советской России 20-х годов, как известные русские адвокаты, члены Политического Красного Креста, пытались противостоять огульным, необоснованным обвинениям.

Еще одним монографическим исследованием, но уже принадлежащим отечественному автору, стал двухтомник, выдержавший четыре издания, своего рода исторический бестселлер 70-х годов – книга Д. Л. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР». Несмотря на то, что написана она была с явной пропагандистской целью, о чем свидетельствуют названия глав: «Полный разгром белогвардейщины», «Последние удары чрезвычайных комиссий...» и «Ликвидация остатков организованной контрреволюции», тем не менее автор, в прошлом чекист, следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР, имевший доступ в архивы органов государственной безопасности, материалы которых доступны не всем профессиональным историкам, опирался на солидную фактическую базу, часть которой использовалась и в нашей работе: по Кронштадскому мятежу, «антоновщине» и др.

В нашем исследовании использованы статьи профессора Историко-архивного института Т. П. Коржихиной, в частности: «Документы добровольных обществ переходного периода от капитализма к социализму в СССР (1917–1936). Состояние и потребности исследований» [10, с. 173–181], «Законодательные источники по истории общественных организаций СССР (1917–1936 гг.)» [11, с. 221–248], «Народный комиссар торговли и промышленности В. П. Ногин» [12].

Биографические сведения о руководителях ПКК приходилось извлекать из различной справочной литературы. ОЕ. П. Пешковой имеется небольшая статья в пятом томе Краткой литературной энциклопедии, о Н. К. Муравьеве – в биографическом словаре «Политические деятели России. 1917», о государственных деятелях России – в Советской исторической энциклопедии, в энциклопедическом словаре Гранат «Деятели СССР и революционного движения России» и др.

Исходя из скудности историографии темы, мы обратились к исследованиям политической и социально-экономической ситуации в Советской России периода 1917–1922 гг.

К числу таковых относится учебник французского исследователя Н. Верта «История советского государства», рекомендованный Комитетом по высшей школе Миннауки РСФСР для студентов высших учебных заведений России. Точка зрения Верта любопытна тем, что представляет собой взгляд со стороны, свободный от тех идеологических штампов, к которым мы уже привыкли. В настоящей работе мы пользовались вторым изданием данной монографии, которое выгодно отличается от первого тем, что в работе над ним принимали участие известные российские историки: В. С. Лельчук, В. В. Шелохаев, А. К. Соколов, А. Н. Пономарев и другие. Нами были использованы фактические данные, приводимые в учебнике, характеризующие государственную политику в области общественных отношений и методы, какими она осуществлялась.

К числу работ, использованных нами при написании диссертационного сочинения, относится учебник «Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.» профессора Т. П. Коржихиной. В качестве справочного материала о государственном устройстве Советской России периода 1917–1922 гг., о становлении системы управления и руководителях органов власти были привлечены сведения, содержащиеся в этом учебнике.

Учитывался также материал глав книг «Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. Власть и реформы. От самодержавной к советской России» [13], касающийся гражданской войны, «военного коммунизма», этапов становления красного террора, отношения большевиков к политическим оппонентам. Особенный интерес вызвало освещение процесса административного принуждения и применения репрессивно-карательных мер по отношению к рабочим и крестьянам, по лозунгам которых и совершалась Октябрьская революция.

Становление революционной судебной системы раскрыто в монографии В. П. Портнова, М. М. Славина «Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.)», которая вышла в Москве в 1990 году. Некоторые сведения о Советской судебной системе мы получили из работы американского ученого Ю. Хаски [14] об адвокатуре в первые годы Советской власти. Информация о высылке за пределы РСФСР большой группы отечественной интеллигенции, среди которой находились активные члены Московского ПКС, почерпнута из монографии В. Д. Тополянского [15], статьи В. А. Волкова и М. В. Куликовой, опубликованной в сборнике „Культурное наследие российской эмиграции“» [16].

Указанное состояние историографии определило задачи первой главы настоящего исследования:

- изучение и анализ причин создания Московского общества помощи политзаключенным;
- этапы его становления и развития;
- исследование механизма правовой защиты политических заключенных, осуществляемой обществом в рассматриваемый период.

История Московского общества помощи политзаключенных базируется на изучении ряда источников, как опубликованных, так и неопубликованных.

Опубликованные источники можно дифференцировать по следующим группам.

Первая группа – это законодательные и нормативные акты. Одним из первых правовых актов, направленных на ограничение свободы слова (нас интересует этот сюжет, так как он связан с правами личности), был Декрет СНК «О печати» [17], заверявший, что «как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия будут прекращены, для нее (прессы – авт.) будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом» [17]. В декрете подчеркивался его временный характер: он будет отменен особым указом «по наступлении нормальных условий общественной жизни» [18]. Однако, как нам известно, прежнее *status quo* восстановлено не было.

Жесткие методы большевиков были выражены в законах, направленных против давних политических противников – партии кадетов [19].

Постановление СНК «О красном терроре» [20], где говорилось о необходимости террора для сохранения власти большевиками; Положение «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» [21], утвержденное ВЦИК, по которому ВЧК являлась прямым правительственным органом и ей предоставлялись широкие права в отношении расправы с гражданами, дают некоторое представление о том, каким образом большевики в хаосе гражданской войны сохранили в своих руках государственную власть.

По роду своей деятельности ПКС приходилось тесно взаимодействовать с органами госбезопасности и внутренних дел, поэтому мы не могли обойти вниманием законодательные акты, относящиеся к данным структурам: постановление СНК об образовании ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем [22] от 7 (20) декабря 1917 г. и другие [23]. Нас интересовало также, что представляла собой система судостроительства и судопроизводства того времени. Декрет о суде № 1 от 11 (24) ноября 1917 г. [24], № 2 от 1918 г. [25], положение о революционных трибуналах [26] периода гражданской войны отразили особенности переходного периода в стране и позволили составить представление о сущности и об изменениях в судебной системе.

Здесь необходимо сделать пояснения. Учитывая, что до 1922 года законодательная база, обеспечивавшая «правоположение обществ и союзов», не была разработана, а фактический опыт работы госструктур с общественными объединениями был к тому времени уже накоплен, мы в нашем исследовании опирались прежде всего на источники, имеющие опосредованное отношение к рассматриваемой теме.

В Конституции РСФСР 1918 года, в статье 19 было записано: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения в организации» [27].

По окончании гражданской войны разрешительный порядок оформления общественных организаций большевики заменили на регистрационный, который оговаривался декретами ВЦИК от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» и от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними». Дополнением этих декретов стали инструкции от 10 августа 1922 г. «По регистрации обществ, союзов и объединений» и «По выдаче разрешений на созыв съездов и собраний различных организаций, союзов и объединений» [28, ст. 622, 623.].

Эти нормативные акты касаются вопросов деятельности общественных организаций и объединений. Они дают представление о правовых нормах, регулирующих возникновение и деятельность обществ, о том, каким образом государство влияло на все стороны деятельности данного общества.

Тесно связаны с законодательными источниками работы В. И. Ленина и партийные документы. Они позволяют уяснить отношение главы РКП(б) и правительства, членов правящей партии к политическим оппонентам, характеризуют взаимоотношения внутри партии, содержат сведения о функциях и полномочиях государственных органов. Записка Ф. Э. Дзержинского с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками [29, с. 156–158], декрет «Социалистическое отечество в опасности!» [29, с. 357–358], документы X съезда РКП(б) [30] были использованы нами в работе.

Третья группа опубликованных источников немногочисленна. Это отдельные публикации и сборники документов. Среди них следует отметить публикацию С. И. Голотика «Первые правозащитные организации Российской Федерации в 20-е годы» в журнале «Отечественная история» [31], посвященную истории Московского общества помощи политзаключенным; тематические подборки документов, опубликованные в историко-публицистическом журнале «Родина» и его приложении «Источник» «возвратившиеся из тюрьмы, отделались легко» (как большевики «фильтровали» флотских офицеров); «Химчистка» по-тамбовски; «Всех их вон из России»; «Столь успешное втирание очков всему свету» и др.), где содержалась информация о потенциальных пользователях услугами ПКК, а также сборник документов по истории вооруженной борьбы крестьянства с политикой продразверстки – «Крестьянское восстание в Тамбовском губернии в 1919–1921 гг. („Антоновщина“): „Документы и материалы“». (Тамбов, 1994).

Кроме упомянутых, нами были использованы продолжающиеся документальные издания, подготовленные документальные издания, подготовленные к печати Институтом мировой литературы им. Горького Российской Академии наук, содержание которых соприкасается с деятельностью ПКК; тт. 9 и 13 «Архива А. М. Горького», вышедшие соответственно в 1966 г. и 1971 г. и содержащие письма А. М. Горького к Е. П. Пешковой и к сыну – М. А. Пешкову: одни из серии одноименных сборников – «Горьковские чтения 1964–1965», «Летопись жизни и творчества А. М. Горького». Т. 1; а также материалы печатного органа ИМЛИ – «Литературного наследства», опубликованные в 90-м [32] и 95-м [33] томах этого издания.

Автором исследования привлекались материалы периодической печати 1920-х годов. В качестве исторического источника использовался журнал «Власть Советов», за 1918–1922 гг., официальный орган наркомата внутренних дел, а также печатный орган наркомата юстиции – журнал «Пролетарская революция и право» за 1918 г., где публиковались официальные мате-

риалы, разъяснения по правовым вопросам, различные статьи на актуальные темы, а также материалы корреспондентов с мест, формой которых «не нужно стесняться» [34].

Особое место среди источников занимают воспоминания людей, так или иначе соприкасавшихся с ПКК – членов и подопечных: Б. К. Зайцева [35], А. Л. Толстой [36], О. Е. Черновой-Колбасиной и др. В работе использованы размышления о судьбе Советской России, изложенные в книге И. З. Штейнберга «Нравственный лик революции», изданной в 1923 году в Берлине, источника, всесторонне раскрывающего деятельность ПКК.

Особенность этих мемуаров состоит в том, что подавляющее большинство из них было опубликовано на Западе. Мы не можем выделить среди них ни одного источника, всесторонне раскрывающего деятельность ПКК. Как правило, они малоинформативны, зачатую содержат только описание событий, происходивших в том время, не раскрывают роли организации, ее структуры и форм деятельности. В нашем распоряжении имеются только фрагментарные воспоминания участников тех событий, к которым имел отношение ПКК. Самая первая публикация была сделана в 1922 году в Берлине. Здесь вышел сборник воспоминаний и статей – «Кремль за решеткой. Подпольная Россия», где от имени анонимного автора рассказывалось о голодовке членов партии эсеров в Бутырской тюрьме в 1919 году и о том, какое участие принял в их судьбе Политический Красный Крест. Воспоминание члена партии эсеров О. Е. Черновой-Колбасиной, связанные с пребыванием в местах заключения, были опубликованы в том же году в Париже [37].

Из свидетельств непосредственных членов ПКК опубликованы только небольшие по объему воспоминания Берты Борисовны Меринг. Под заглавием «Политический Красный Крест в Бутырской тюрьме» они вышли в свет в Нью-Йорке в 1989 году [38].

Воспоминания о члене Комитета ПКК М. Л. Винавере, были опубликованы в 1977 году его знакомой С. С. Дубновой-Эрлих (в свое время участвовала в «Бунде», супруга члена Исполкома Петросовета Г. М. Эрлиха) в диссидентском издании «Хроника защиты прав в СССР» [39].

Мемуары П. Н. Малянтовича, одного из учредителей ПКК, опубликованные в сборнике «От первого лица» и в основном касающиеся событий октября 1917 года, тем не менее дают личностную характеристику самому автору и необходимы для «ощущения эпохи». Сборник был издан в Москве в 1990 году. Первое издание мемуаров П. Н. Малянтовича [40] было осуществлено еще в 1956 году в сборнике «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции», подготовленном к печати Институтом истории партии при Ленинградском обкоме КПСС – филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Среди активных участников революции П. Н. Малянтович был единственным представителем «по ту сторону баррикад». Его мемуары были опубликованы в качестве приложения.

В историческом сборнике «Память», опять-таки выходящем за рубежом, были помещены следующие материалы: в первом выпуске (являющемся сейчас библиографической редкостью) «сообщение» О. Маркова (Левина М. Р.) «Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным» [41], в выпуске третьем – публикация Дм. Минина (Бацера Д. М.) «Еще о Политическом Красном Кресте» [42]. Однако, несмотря на многообещающие заголовки, по содержанию эти статьи даже трудно классифицировать по принадлежности к историческим источникам: то ли это воспоминания, то ли публикация на злобу дня. Обе статьи содержат неточности, которые можно объяснить либо давностью лет происходивших событий, либо сознательным домысливанием авторов; в целом воспоминания носят крайне субъективный характер.

В нашей стране появление материалов по истории ПКК относится к началу 1990-х годов. В историческом альманахе «Минувшее» [43] К. Грозовым и С. Боголеповым опубликованы фрагменты воспоминаний А. В. Книпер, гражданской жены А. В. Колчака, которому, соб-

ственно и посвящены воспоминания, однако фрагмент из них относится к Е. П. Пешковой – с последней автор познакомилась в 1921 г. в Иркутской женской тюрьме. Эти мемуары интересны тем, что в них переданы непосредственные впечатления встреч с Екатериной Павловной Пешковой, «живые» воспоминания участника событий. Комментарии, составленные К. Грозовым и С. Боголеповым, помогли в поиске опубликованных источников по истории Московского общества помощи политзаключенным.

В 1992 году во втором выпуске альманаха «Звенья», подготовленном историко-просветительским обществом «Мемориал», были опубликованы материалы из личного фонда В. Н. Фигнер (публикация Я. В. Леонтьева и К. С. Юрьева) под названием «Не запечатленный труд: из архива В. Н. Фигнер». Особенный интерес для нас представило письмо В. Н. Фигнер в Московский комитет ПМК от 8 апреля 1919 г. Полезным для исследования явилось также предисловие Я. В. Леонтьева и К. С. Юрьева «В защиту права», где содержатся ценные сведения о ПМК.

В уникальном документальном издании – «Архиве русской революции» – выходившем в Берлине в 1920–1930 гг. (переиздан в России в первой половине 1990-х гг.) и издававшимся Иосифом Гессеном, одним из основателей и членов ЦК партии кадетов, содержатся воспоминания полковника С. А. Коренева, освещающие деятельность «Комиссии по делам о бывших министрах» и роль в ней Н. К. Муравьева. Они были использованы нами для личностной характеристики председателя ПМК.

Таков круг опубликованных источников, которые мы использовали в работе. Как видим, он довольно ограничен и не дает полного представления по интересующей нас теме.

Основными источниками для изучения ПМК явились документальные материалы, находящиеся в составе архивных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

До 1992 года из трех фондов два находились на «специальном хранении».

В данном архиве были изучены следующие фонды: фонд Московского общества помощи политзаключенным – Политического Красного креста (1918–1922) – (№ 8419), фонды «Е. П. Пешкова. „Помощь политическим заключенным“» (№ 8409) и Муравьева Н. К. – (№ 1652).

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволили проследить основные этапы организации и деятельности Московского общества помощи политзаключенным с 1918 по 1922 год. Фонд № 8419 содержит 390 дел, в которых отражена история этой организации, основные направления деятельности, источники финансирования, личный состав общества и списки лиц, которым оказывал помощь Политический Красный Крест. Из 390 дел, хранящихся в фонде, 165 составляют опросные листы арестованных, анкеты и карточки на содержащихся в заключении, сгруппированные по алфавиту, списки заключенных по партийным группами, по социальному составу. Эти документы активно использовались членами общества и в практической деятельности и содержали первичные сведения для разработки различных ходатайств и прошений по персональным делам политзаключенных.

Весь комплекс материалов фонда можно разделить на несколько групп.

Первая группа – документы, определяющие правовое положение данного общества. Это, главным образом, те, которые относятся к образованию и легализации общества (список членов-учредителей Московского общества помощи политзаключенным, устав и др.).

Вторая, наиболее обширная – внутренние документы, относящиеся к организационной деятельности ПМК, отражающие основные этапы образования, функционирования и внутреннего развития общества, характеризующие отношения ПМК с государственными учреждениями, различными ведомствами и местными органами власти.

Этот раздел составляют документы, отложившиеся в результате деятельности данного общества и относящиеся к внутренней организации объединения: регистрационные листы, списки и удостоверения служащих, списки сотрудников по структурным подразделениям. Сведения, содержащиеся в документах этой группы, дают представление о приеме и увольнении

служащих, о кадровых перемещениях по службе. Здесь же содержатся протоколы заседаний исполнительных органов ПКК и выписки из них; проверочные материалы ревизионной комиссии; отчеты о деятельности общества; переписка по различным вопросам с организациями и частными лицами, а также списки членов общества и ходатайства по делам политзаключенных.

Третья группа представлена документальными свидетельствами, необходимыми в практической работе, активно используемыми членами общества. Это уже упоминавшийся нами обширный комплекс опросных листов и другие свидетельства информационного характера, необходимых в каждодневной работе, а также удостоверения и пропуска, выданные членам Политического Красного Креста.

И четвертая группа – обращения и письма граждан в Политический Красный Крест с изложением различных вопросов, решению которых мог помочь ПКК.

Эти материалы представляют наиболее полную картину деятельности организации.

Учитывая ведущую роль в жизни Московского общества помощи политзаключенным ее руководителей, нами были задействованы документы из фонда «Е. П. Пешкова. „Помощь политическим заключенным“» (1922–1938 гг.) и Николая Константиновича Муравьева (1896–1941 гг.), соответственно – (№ 8409) и (№ 1652).

Ряд интересующих нас документов содержится в фонде № 8409. Документы, представленные этим фондом, хронологически относятся к периоду 1922–1938 гг. И хотя основной массив свидетельств характеризует деятельность Екатерины Павловны Пешковой по оказанию помощи политическим заключенным, тем не менее ряд материалов отражает основные вехи существования Московского Политического Красного Креста и его взаимоотношений с властью.

Нас, главным образом, интересовали те документы, которые имели отношение к ликвидации данного общества, так как документы фонда Московского общества помощи политзаключенных (№ 8419) не давали ясного ответа на вопрос о причинах закрытия ПКК. В фонде № 8409 находятся разрешение от 11 ноября 1922 года за подписью И. С. Уншлихта, который в 1921–1922 гг. являлся фактическим руководителем органов госбезопасности РСФСР, поскольку Ф. Э. Дзержинский был загружен сверх меры делами НКПС и других ведомств; удостоверение № 81899 от 02.11.1922 г. (также подписанное И. С. Уншлихтом), выданное Государственным Политическим Управлением о порядке оказания помощи политзаключенным и их семьям; переписка с различными организациями и лицами по вопросам пожертвований в фонд помощи арестантам; по вопросам аренды занимаемых помещений; по вопросам устройства культурно-зрелищных мероприятий и другим.

Для изучения деятельности ПКК потребовалось обратиться к личному фонду Николая Константиновича Муравьева (№ 1652), который насчитывает 434 дела за период 1896–1941 гг. Но он был использован автором исследования в значительно меньшей степени, чем предыдущие, так как основной массив документов этого фонда хронологически не соответствует рамкам нашего исследования. В нем содержится много материалов, касающихся адвокатской деятельности Н. К. Муравьева в дореволюционной и советской России.

Что касается его деятельности на посту Председателя ПКК, то в фонде имеются лакуны. Материалы нескольких дел в той или иной степени затрагивают тему нашего исследования. Это письма, обращенные лично к Н. К. Муравьеву об оказании правовой помощи, его собственные материалы, необходимые в адвокатской практике, ряд личных документов, переписка Н. К. Муравьева с различными корреспондентами и его обращение по делам заключенных. К сожалению, материалы фонда не дают представления о той работе, которую Н. К. Муравьев выполнял на посту Председателя Московского общества.

Монография состоит из Введения, двух глав и Заключения.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется объект исследования, степень разработанности проблемы, содержится общая характеристика корпуса источников, формулируется цель и задачи исследования, обращается внимание на новизну и практическую значимость исследования.

Первая глава посвящена истории Московского общества помощи политзаключенным – (Политического Красного Креста). Рассматриваются причины, обуславливавшие возникновение Политического Красного креста, история его создания, его уставные документы, организационная структура и источники финансирования этой неправительственной гуманитарной организации. Описываются система демократического управления Политического Красного креста и деятельность его структурных подразделений по оказанию юридической, финансовой и гуманитарной помощи политзаключенным, а так же по обеспечению функционирования самого общества.

Излагается порядок организации статистической деятельности Общества (квантитативный анализ результатов этой деятельности произведен во второй главе). Особое внимание уделено персональному составу Политического Красного Креста: известным деятелям культуры и революционно-демократической общественности, участвовавшим в деятельности Московского общества помощи политзаключенным, деятелям Политического Красного Креста, известным нам только или преимущественно по своей работе в этой организации, а так же количественному росту рядов Политического Красного Креста в период его деятельности. Рассматривается (географическое) расположение пеницитарных учреждений, попавших в сферу деятельности Московского общества помощи политзаключенным, и связи активистов Политического Красного Креста с аналогичными группами и отдельными правозащитниками в других регионах России. Анализируются взаимоотношения Политического Красного Креста и органов советской власти в 1918–1922 годах и взаимосвязь этих взаимоотношений с различными коллизиями внутривластной жизни Советской России в те годы. Завершается глава изложением причин и обстоятельств ликвидации общества.

Вторая глава посвящена квантитативному анализу опросных листов московского политического красного креста, исследованию имущественного и образовательного уровня лиц, подвергавшихся репрессиям со стороны советских органов государственной безопасности в начале 20-х годов нашего века, партийной принадлежности подобных лиц, характерных обвинений, выдвигавшихся следователями системы ВЧК и другим проблемам, нашедшим отражение в вопросах вышеназванных анкет. К сожалению, и по сей день изучение истории политзаключенных России в новейшее время нередко проводится на основании единичных источников, что с высокой степенью вероятности ведет к случайности выводов.

Рассмотрение феномена политзаключенных в Советской России исключительно с точки зрения известных политических деятелей и немногочисленных представителей (образованного) меньшинства, способных, с одной стороны, фактом своего ареста вызвать определенную реакцию в органах юстиции, политического сыска и правозащитных организациях, а с другой стороны, отразить свои злоключения в мемуарах, письмах, публицистических статьях и т. д., способно дать не вполне объективное представление о рассматриваемом феномене и исказить историческое видение. Общее, всестороннее представление о корпусе советских политзаключенных могут дать только массовые источники, вернее – результат их (массовых источников) исследования. Комплексный системный подход, ориентированный на использование количественных методов, дает возможность реконструировать реальную структуру изучаемого феномена, включающего в себя как образованное меньшинство, так и безмолвное большинство и вписать рассматриваемый феномен в контекст социальных и политических процессов эпохи. Накопленный в советской и российской историографии опыт применения количественных

методов в историческом исследовании позволяет решить эту задачу [44]. В нашем случае массовым источником, количественный анализ которого способен нам дать комплексную картину исследуемого феномена советских политзаключенных, является комплекс Опросных листов политзаключенных, содержащейся в фонде Политического Красного Креста [45].

Сравнительно недавно появилась работа, посвященная исследованию Опросных листов политзаключенных – статья Э. Е. Ушвицкой («Жертвы политических репрессий в России. 1918–1922 годы» [46, с. 284–292]. К сожалению, эта работа не избавлена от ошибок как в плане фактологическом, так и в плане корректности квантитативных исследований. Так, например, причиной прекращения деятельности Политического Красного Креста, согласно, Э. Е. Ушвицкой, стало то, (что сам статус политического заключенного стал все более расплывчатым) [46, с. 285], а вовсе не административные меры со стороны властей. Требуется уточнений характер механической выборки, на основании которой Э. Е. Ушвицкая осуществляла количественный анализ базы данных, она почти не приводит в своей работе кросс-таблиц, остановившись на этапе анализа простейших распределений.

В нашей работе мы постарались избежать подобных упущений. Рассмотренный массив источников был без изменений и потерь информации введен в память компьютера в рамках СУБД «Q & A 4.0», где и составил изучаемую базу данных. Последующая обработка базы данных велась в рамках пакета статистических программ (SPSS PC+), являющегося ПК-версией широко известного пакета (SPSS), предназначенного для машин класса mainframe.

Исследование вылилось в ряд этапов.

Первым этапом обработки информации был расчет простейших распределений, в ходе которого был определен (удельный вес) каждого кода в соответствующей переменной. Следующим этапом стало перекодирование базы данных, проводимое с целью свести к минимуму число кодов в каждой переменной. Рекодирование проводилось в двух направлениях: во-первых, однородные по смыслу коды объединялись в один код, охватывающий всю категорию, к которой относятся первоначальные коды; во-вторых, коды, дающие менее 2 % положительных ответов сводились, каждые в своей переменной, в код (прочее). Это позволило произвести группировку кодов. После рекодирования простейшие распределения были перерасчитаны. Завершающей стадией математической обработки информации стало составление кросс-таблиц, выявляющих степень взаимосвязанности и взаимообусловленности различных признаков и факторов, отраженных в Опросных листах. Степень корреляции данных определялась как визуально, так и с помощью специально разработанного алгоритма для подобных задач – коэффициента Крамера. Так как исследование корпуса Опросных листов, представленное во второй главе, носит экспериментальный характер, имеющим своей целью в первую очередь, демонстрацию информационных возможностей источникового массива и основные пути его изучения, автор позволил себе ограничиться рассмотрением случайным образом образовавшегося субкомплекса в 100 опросных листов.

Глава 1

Организационные основы деятельности Политического Красного Креста

§ 1. Общественно-политическая ситуация, воззвавшая создание Политического Красного Креста

Данная глава посвящена истории Московского общества помощи политзаключенным – Политического Красного Креста, организованного весной 1918 года и прекратившего свою деятельность осенью 1922 года. Суть деятельности данной организации заключалась в оказании помощи политическим заключенным Советской России.

В отечественной истории рассматриваемого периода нет и не было организации, подобной Политическому Красному Кресту. Это был, возможно, первый пример организованной помощи людям, преследуемым за политические убеждения в России 20-х годов XX столетия.

Главным при изучении истории Политического Красного Креста и связанной с ним более широкой проблемы – о власти и интеллигенции в послеоктябрьской России – является, очевидно, анализ политической обстановки и взаимоотношений власти и общества. Учитывая исключительную непримиримость В. И. Ленина по отношению к своим политическим противникам, правильным будет предположение о том, что эти «взаимоотношения» будут вестись не на жизнь, а на смерть.

Поскольку до 1917 года в России существовало множество общественно-политических организаций («партий насчитывалось более 150-ти» [47], «профсоюзов – до 2-х тысяч» [48]), то большевики не могли не принимать их во внимание. Выступая за всеобщее избирательное право и созыв Учредительного собрания до революции, большевики, взяв власть, стремились сохранить ее в своих руках любой ценой и сохранили путем установления в стране однопартийной диктатуры. Никакая диктатура не обходится без насилия и жестокости.

Но размеры и формы пролетарской диктатуры превзошли все мыслимые пределы. Положение усугублялось еще и тем, что в стране была экономическая разруха, голод и безработица, сопутствующие ей, крайняя политическая нестабильность и война, как внутри страны, так и за ее пределами.

В этих условиях Политический Красный Крест пытался противостоять насилию и попранию прав личности, защитить и помочь людям, чьи политические взгляды расходились со взглядами политической системы элиты того времени.

В формирующейся новой политической системе общества организациям подобного типа не было места. Как правило, такие объединения не встречают поддержки со стороны власти и всегда находятся в оппозиции к правящему режиму. Тем более, что члены Политического Красного Креста были близки к социал-демократам, а некоторые состояли членами партии эсеров; партии, с левым крылом которой сотрудничали большевики и взаимодействие с которой определяло внутривластную жизнь страны первых лет Советской власти. После того, как партия большевиков пришла к власти, она последовательно и постепенно стала вытеснять все остальные политические организации из сферы общественной жизни.

Борьба с политической оппозицией стала одним из главных факторов, направленных на удержание власти большевиками. 28 октября (10 ноября) 1917 года специальным декретом

были запрещены оппозиционные периодические издания: «День» – издание умеренных социалистов, «Речь» – печатный орган партии конституционных демократов, «Новое время» – крупнейшая ежедневная газета, «Вечернее время», «Русская воля», «Народная правда» и «Биржевые ведомости» [49, с. 120].

Следующим в ряду законов, ограничивших инакомыслие, стал декрет от 28 ноября (11 декабря) 1917 года. Он касался непосредственно партии конституционных демократов, объявлял их «врагами народа» и, согласно ему, члены руководящих учреждений этой партии подлежали аресту.

Создание Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (ВЧК) 7 (20) декабря 1917 завершило начальный этап борьбы с политическими противниками. Именно ВЧК – «центральный орган, объединяющий деятельность местных чрезвычайных комиссий планомерно проводящих в жизнь непосредственную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [50] – стала главным карательным учреждением, с помощью которого партия большевиков установила власть в стране.

Во главе ВЧК по предложению В. И. Ленина был поставлен видный деятель большевистской партии, член ее Центрального Комитета Ф. Э. Дзержинский.

Правовой основой для деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии стал декрет об организации ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, принятый Советом Народных Комиссаров 7 (20) декабря 1917 и Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 2 ноября 1918 года [50]. Установив Всероссийскую чрезвычайную комиссию в прямое подчинение СНК, правительство тем самым поставило ее в один ряд с другими центральными органами управления и наделило большими правами и полномочиями. Поначалу ВЧК осуществляла розыск и вела предварительное следствие. Возбужденные ею дела передавались на рассмотрение в ревтрибуналы.

В 1917–1920 гг. в стране судебные органы были представлены тремя видами судов: общими, революционными трибуналами и революционными военными трибуналами. Преступления, квалифицируемые как контрреволюционные, рассматривались революционными трибуналами. Следственные органы и комиссии ВЧК оказывали ревтрибуналам «существенную помощь» [51].

Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года [52] и Инструкция Наркомата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» [53] были теми основополагающими правовыми актами, на принципах которых действовали данные судебные органы. Под контрреволюционными преступлениями, согласно упомянутым выше документам, подразумевались следующие: организация восстаний против Советской власти, активное противодействие или неподчинение Советскому правительству, призыв к действиям подобного рода, саботаж, злоупотребление служебным положением и все остальные действия, направленные против Советской власти. За указанные выше преступления были предусмотрены различные виды ответственности: от денежного штрафа и общественного порицания до конфискации имущества, обязательных общественных работ и лишения всех политических прав. Смертная казнь в Инструкции не была упомянута. Сотрудников ревтрибуналов избирали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, они же определяли и состав следственной комиссии при ревтрибуналах. Кроме ревтрибуналов, в осложнившейся летом-осенью 1918 года внутриполитической обстановке, органы ВЧК активно способствовали решению определенных уголовных дел путем внесудебной расправы с применением высшей меры наказания (см. Постановление НКЮ РСФСР от 16 июня. 1918 года) [54].

В русле установления жесткой политической диктатуры со стороны партии большевиков лежит и роспуск Учредительного собрания – народного представительства, за скорейший созыв которого выступала большевистская партия и левые эсеры до октября 1917 года. В связи с изменившимися политическими условиями Учредительное собрание теперь только мешало партии, пришедшей к власти, и поэтому 6 (19) января декретом ВЦИК оно было распущено.

В феврале 1918 года ВЧК получила дополнительные полномочия, по которым она пользовалась правом на расстрел в отношении бандитов и крупных спекулянтов.

Это было связано с тяжелым положением страны, как на внешнеполитической арене, так и на внутреннем фронте. 18 февраля 1918 года было начато австро-германское наступление. Вражеские войска дошли до Нарвы и Пскова. Внутри страны из-за неустойчивой политической обстановки резко возросли бандитизм, мародерство, спекуляция.

Широко известный декрет от 21 февраля 1918 года «Социалистическое Отечество в опасности!» был направлен в первую очередь на усиление обороноспособности страны. Согласно ему, все население прифронтовых районов («рабочие, крестьяне, все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины» [55]) направлялось на рытье окопов под руководством военных специалистов. Тех, кто сопротивлялся, должны были расстреливать. Этот декрет предоставлял Всероссийской чрезвычайной комиссии основу для репрессивных мер против «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов», которые подлежали расстрелу на месте преступления. Неопределенные правовые границы декрета способствовали различным злоупотреблениям со стороны чекистов.

Летом 1918 года положение страны еще больше ухудшилось. Теперь кроме немецких оккупантов уже американские, английские и французские войска воевали на территории советской России. Японцы высадились на Дальнем Востоке и в Приморье. Кроме интервенции, ухудшению обстановки в стране способствовала гражданская война. В Сибири, на Урале, в Поволжье были образованы «всероссийские правительства», главной цепью которых было свержение власти большевиков и установление демократической республики.

Внутри страны сложилась невыносимо тяжелая обстановка: усиливающийся голод, мятежи и восстания в деревнях, хозяйственная разруха, полное расстройство финансово-кредитной системы, постоянные выступления против советской власти со стороны многочисленных политических противников. 5 сентября 1918 года Совет Народных Комиссаров принял постановление «О красном терроре» [56]. Этот небольшой по объему, но очень емкий по содержанию документ обосновывал политику террора по отношению к противникам советской власти.

В нем говорилось, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью», что следует усилить деятельность ВЧК. В отношении контрреволюционеров декрет предусматривал изолирование их в концентрационных лагерях и применение ко всем лицам, «прикосновенным к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», высшей меры наказания – расстрела. Кроме того, в декрете указывалась необходимость широкого опубликования имен всех расстрелянных и обоснование этого приговора, но в действительности данное положение выполнено не было.

С обеих сторон, с «красной» и с «белой» расстреливались массы рабочих, крестьян, белогвардейцев, красноармейцев – страна испытала ужасы как «белого», так и «красного» террора. И. З. Штейнберг в своей книге «Нравственный лик революции» цитирует официальный отчет о жертвах красного террора, приведенный в Известиях ЦИК от 6 февраля 1920 г. № 26 в статье М. Лациса.

	1918 г.	1919 г.	Всего
арестовано	47 348	80 662	128 010
взято заложниками	4068	5491	9559
расстреляно	6185	3456	9641 [57]

По обвинению в контрреволюционной деятельности расстреляно 7068, по преступлениям по должности – 632, спекулянтов – 217 и по уголовным делам – 1204 человека [57].

Но не только репрессивно-карательные меры применялись по отношению к политическим противникам. Широко использовались методы революционного насилия, выразившиеся в ограничении социальных прав; лишении продовольственных карточек, что в сущности обрекало людей на голодную смерть; денежные штрафы; заключение в тюрьму; заключение в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны; отправка на фронт и другие.

Постепенно, по мере увеличения со стороны новой власти насилия по отношению к своим противникам, по мере расширения силового воздействия на различные группы населения, но в первую очередь, на «лиц, принадлежащих к богатым классам, ... владельцев ... недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 рублей, а равно служащих в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях» [58], по мере роста сопротивления со стороны служащих государственного аппарата мероприятиям советской власти тюрьмы стали заполняться арестованными, так или иначе противодействовавшими новому правящему режиму. Среди людей, которые попали в тюрьму, были не только уголовные преступники, но и лица, принадлежавшие к различным политическим партиям и объединениям. В этих условиях, когда партия большевиков начала преследовать своих противников, в Москве группой интеллигенции была создана общественная организация, получившая название Политический Красный Крест. Политический Красный Крест стремился всеми законными средствами и силами ограничить все разрастающееся насилие, противостоять политике диктатуры пролетариата и защитить, насколько это возможно, права людей, подвергнувшихся арестам и попавшим в тюрьмы из-за своих политических взглядов и убеждений.

§ 2. Создание Политического Красного Креста

В январе 1918 года по заданию инициативной группы московской интеллигенции, воспитанной еще на этических принципах народничества, в Петроград выехал Михаил Львович Винавер с целью получить официальное разрешение на образование данного общества, попытаться его зарегистрировать.

Сложность данного мероприятия состояла в том, что со стороны нового правительства не последовало никакого нормативно-правового акта в отношении общественных организаций. Поэтому, сознавая необходимость каким-либо образом получить законные основания для дальнейшего продолжения своей деятельности, многие общества стремились зафиксировать свой юридический статус в новых органах власти.

Итак, в начале 1918 года М. Л. Винавер выехал в Петроград и в наркомате юстиции встретился с главой этого комиссариата.

В соответствии с соглашением между большевиками и левыми эсерами от 9 декабря 1917 года, партия левых эсеров получила семь мест в коалиционном правительстве, в то время этот ответственный пост занимал член Центрального Комитета левоэсеровской партии, настоящий парламентский лидер и блестящий полемист, чья популярность выходила за рамки столичных трибун, человек, которому не было еще и тридцати лет, Исаак Захарович Штейнберг. Как ни странно, его образование соответствовало профилю его деятельности. Ранее он был помощником присяжного поверенного.

Об этом человеке стоит рассказать подробнее.

Штейнберг Исаак-Нахман Захарович (13.07.1888 г. Двинск – 02.01.1957 г. Нью-Йорк). Из купеческой еврейской семьи. Получил высшее юридическое образование. Владел многими иностранными языками. В 1910 г. опубликовал книгу «Учение о преступлении в Талмуде» на немецком языке. С 1906 г. член партии социалистов-революционеров. В марте 1907 г. арестован и осужден на 3 года ссылки в Сибирь, которая была заменена высылкой за границу. Учился в Московском (1906–1907) и Гейдельбергском университетах (1907–1910). После возвращения в Москву получил место помощника присяжного поверенного, участвовал в работе Московского юридического общества, сотрудничал с журналом «Юридический вестник», «Народной газетой», с изданием «Наша жизнь». Выставлялся кандидатом на выборах в IV Государственную Думу.

В январе 1915 г. выслан в Уфу, где в 1917 г. возглавил губернский орган партии социалистов-революционеров. В 1917 г. стал членом ЦК партии. На 2-м Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (26.11–10.12.1917 г.) избран в Исполком Всероссийского съезда крестьянских депутатов. После объединения Советов крестьянских депутатов с рабочими и солдатскими депутатами (январь 1918 г.) стал членом ВЦИК. По решению ВЦИК от 12.12.1917 г. – нарком юстиции.

Кроме этого Исаак Захарович Штейнберг заведовал отделом личного состава и управления тюрем, являлся редактором отдела уголовного судопроизводства. 19 декабря подписал Инструкцию ревтрибуналу о «прекращении системы репрессий против лиц, учреждений и печати» и направил соответствующую телеграмму Советам всех уровней.

В декабре 1917 – январе 1918 г. СНК несколько раз рассматривал претензии Штейнберга в адрес ВЧК. 31 декабря СНК по его инициативе принял решение разграничить функции ВЧК и Следственной комиссии при

Петросовете. 11.01.1918 по его предложению СНК постановил расследовать деятельность членов коллегии НКЮ – большевиков Козловского М. Ю. и Красикова П. А., обвиненных Штейнбергом в противозаконной деятельности. 23.02.1918 на объединенном заседании фракций РКП(б) и ПЛСР(и) во ВЦИК выступил против Брестского мира.

В марте 1918 г. вышел из СНК и 19 марта выехал в составе Южной делегации ЦК ПЛСР(и) в Курск для организации партизанских отрядов. Затем – Харьков, Ростов-на-Дону, участвует во Всеукраинском съезде Советов в Екатеринославе. Вместе с Камковым Б. Д. и Карелиным В. А. стал организатором Главного военного штаба левых эсеров. Заочно был избран в правительство «Донской советской республики» и кандидатом в «Повстанческую Девятку». 22.12.1918 – инициатор антиправительственной левозеро-эсерской демонстрации на похоронах Прошьяна П. П. 12.02.1919 арестован ЧК по обвинению в «заговоре» против Советской власти. 4,5 месяца пробыл в Бутырской тюрьме. Там дописал книгу «От Февраля по Октябрь 1917» с детальным анализом текущих политсобытий. В октябре 1919 ЦК ПЛСР(и) по его предложению утвердил циркуляционное письмо к членам партии об отказе «от вооруженной борьбы с правительственной партией коммунистов». Выступил за «советскую», а не «пролетарскую демократию».

В январе 1922 арестован дома, как заложник за Спиридонову, но затем отпущен. В июне 1922 на пленуме Моссовета призвал его участников к организации независимых Советов и профсоюзов. В 1923 г. выехал за границу для участия в Венском Интернационале, после чего ВЦИК лишил его советского гражданства. Представитель заграничных дел ПЛСР и Союза эсеров-максималистов в Международном Бюро рев. Соц. партий. Входил в состав объединенного комитета защиты заключенных революционеров в России.

До 1933 жил в Германии, работал в левонародном издании «Скифы», был удостоен премии Общества Гете за ряд пьес и книг в 1928 году. Позднее эмигрировал в Великобританию, во время второй мировой войны – в США.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века.

Энциклопедия. – М., 1996. С. 705–707.

Исаак Захарович Штейнберг принял М. Л. Винавера и выразил поддержку его просьбе. 30 января 1918 года нарком юстиции подписал служебную записку в Комиссариат по судебным делам с рекомендацией «отнестись внимательно к предложению тов. Винавера о создании „Политического КК“ в Москве» и с указанием того, что «в Петрограде есть уже такой, и он прекрасно работает» [59, л. 1].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.